Эсамбаев Махмуд Моск комсомолец - 2004 - 19 июля - № 7. 19.07.04 5

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Давным-давно это было, но седые горы помнят эту историю. В краях тех царила кровная месть. И вот однажды на охоте случайно один охотник застрелил другого. Сыну убийцы пришлось покинуть родные места. Долго бродил он по свету и понял одно: лучше смерть, чем жизнь на чужбине. "Убейте меня, но пусть я умру на своей земле", — сказал бродяга, вернувшись домой.
"Легендой" назывался этот танец. И был он о ней — любимой Чечено-Ингушетии. В любой точке мира он начинал свое выступление только с него. "На сцене — Махмуд Эсамбаев", — объявлял ведущий. И зал замирал.

ТАНЕЦ С ВОЛКАМИ

Без папахи его видели только самые близкие.

Бой барабанов. Занавес. Красавец горец в черной бурке выбегает на сцену и застывает, пораженный великолепием родных просторов. Его выхватывает сноп света, и сзади, на экране, появляется тень великого Махмуда. Она растет и будто нависает над залом. Зрители не смеют шелохнуться...

Огромные глаза, орлиный нос, четко очерченный рот. "Вот так грим может сделать из урода красавца", — подшучивал он над собой. И, не жалея краски, растушевкой, больше похожей на палку, рисовал новый образ.

Он был первым артистом, кому доверили представлять советское искусство в капстранах. Он два месяца подряд танцевал в знаменитом Карнеги-холле, и каждый вечер в зале был аншлаг. Он был академиком — не имея даже среднего образования. Десятки почетнейших званий и регалий. Мировая слава. Народная любовь...

Он был Махмудом Эсамбаевым. И точка. На днях ему исполнилось бы 80.

В ссылку — по собственному желанию

Окраина Грозного. Вечереет. Стук в дверь. На пороге — высокий статный молодец. Старушка подслеповато щурит глаза. "Вы меня помните?" Вглядывается в лицо. "Нет". — "Да я ж Эсамбаев. Вы меня линейкой по голове били... За то, что я с ошибками писал". — "И что — человеком стал?" — не верит бывшая учительница. "На сборы — пять минут. Сейчас все сами увидите", — торопит ее бывший ученик.

В грозненском театре — аншлаг. У Эсамбаева — первый сольник. На почетном месте — отец и бывшая училка. Зал ревет от восторга. "А помнишь, как ты мне говорил: "Вот стану знаменитым артистом, ни за что вас на концерт не позову!" — смеется старушка. В знак признания она подарила ему банку варенья.

— Дядя Махмуд ведь двоечником был. Уроки прогуливал со страшной силой. Его отец бегал за ним с палкой — следил, чтобы до школы дошел, — рассказывает племянник Эсамбаева Абдулла. Сам он врач, пять лет жил в Тибете, у монахов учился. Выхаживал дядю после инсульта. — А в шестом классе заявил: хватит учиться. Буду артистом — и баста. Его отчислили за неуспеваемость, хуже него никого не было. Он с трех лет на свадьбах танцевал. "Махмудик был? Нет? Ну разве ж это свадьба!.." — говорили тогда. Дядю часто потом приглашали в жюри. Помня свои "пары" и слезы, он просил только одну табличку — с "пятеркой".

У Алисултана Эсамбаева, отца Махмуда, было пять жен, семь сыновей и четыре дочери. Двое мальчиков умерли еще в детстве. Рано умерла и мать Махмуда. Пацана-непоседу воспитывала мама Соня — еврейка из Одессы, она называла его Мойшей. Отец за танцы лупил — тоже нашел себе парень занятие! Мама Соня вытирала сопли. "Ничего, у тебя все получится!" — шептала ему и всегда потом была первой зрительницей на его концертах.

— В 1944 году по всему Северному Кавказу выселяли чеченцев. Махмуд жил тогда в Пятигорске, был солистом балета в театре музыкальной комедии, — продолжает другой его племянник, Саид, 11-кратный чемпион мира по боям без правил. — За дядю просило тогда все руководство театра. "Самородок ведь! Не троньте!" Но все бесполезно. Он сам пришел в отделение милиции и попросил отправить его за родней. Четырнадцать суток до места добирался.

Отца он нашел в Казахстане. Ближайшим городом от родных, где был театр, оказался Фрунзе. Туда Махмуд и перебрался. Классического балетного образования он так и не получил. И никогда по этому поводу не переживал. "Я закончил балетно-пехотное училище", — гордо говорил он всем.

Как-то, танцуя во фрунзенском театре "Лебединое озеро", Махмуд рухнул в оркестровую яму и сломал нос. "А ведь красавчик раньше был!" — любил он потом рассказывать, демонстрируя орлиный профиль.

Ах, какие ножки!..

Там же, во Фрунзе, он познакомился со своей единственной женой Ниной Аркадьевной. Загляделся на ножки и — пропал! Она была армянкой, христианкой, он — мусульманином. И те и другие родители упали в обморок. Но они все равно поженились.

По молодому Эсамбаеву сохло потом полстраны, десятки поклонниц ездили за ним по городам. "Мне от вас ничего не надо — сделайте мне ребенка!" — приходили к ним домой пачки писем. "Я же не могу всех обслужить!" — лишь отмахивался Махмуд. Нина Аркадьевна ездила с ним на гастроли, была его личным врачом. Они прожили вместе больше 50 лет.

— Все наносное пройдет. А талант останется. Махмуд — порядочный человек и лучший муж, — всегда говорила она.

Был у Махмуда любимый младший брат. Так он называл Кобзона.

— Я пришел к нему на концерте за кулисы. Был 1962 год, — рассказывает Иосиф Давыдович. — Он посмотрел на меня: "А я тебя знаю, ты певец, я тебя по телевизору видел". А меня к тому моменту два раза в "Голубых огоньках" показали. "Значит, не такой ты дурак, раз на балет пришел". Я часто приезжал на гастроли в Грозный, и всегда меня встречал Махмуд. Мы обязательно шли на рынок.

Впереди — Эсамбаев и Кобзон, а за ними толпа, человек 200—300. В Чечне Махмуда боготворили. "Иосик, ты обязательно должен попробовать наши лепешки!" — "Хорошо, Мамудо!" И подходили ко всем. "Почем твои лепешки?" — спросил Махмуд у молодой чеченки. У той аж ноги от таких покупателей подкосились. "Угощайтесь, все бесплатно!" Эсамбаев долго выяснял цену. "Пятьдесят копеек", — наконец сдалась она.

— Что тут началось! — вспоминает Кобзон. — "Да как ты можешь! Да как тебе не стыдно! Надо же землю вспахать, зерно посеять, урожай собрать, муку намолоть, лепешку сделать, а ты — пятьдесят копеек?" И давай ее ругать по-чеченски. "На двадцать пять рублей, иди домой, накорми детей". Помню, как они со своим дядей наперебой приглашали меня в гости. А дядя у него, Ваха Татаев, был министром культуры Чечни. И вот я, на правах гостя, пригласил их к себе. Дядя тост говорит, а Махмуд нахмурившись сидит. "Встань, я же твой дядя!" — не унимается Ваха Ахметович. Тот сидит. "К тому же я министр культуры!" — "Ты — мой министр культуры. У тебя вся культура — Махмуд Эсамбаев". И это была правда...

"Макумба" для Дудаева

Возле дома Эсамбаева всегда было полно людей. Его вечно о чем-то просили, и он не мог отказать. Вечно кому-то пробивал квартиры, помогал с работой, устраивал судьбы артистов.

— До знакомства с ним я не верил, что бывают такие добрые и бескорыстные люди... Только однажды за все годы нашей дружбы я видел Мамудо злым, — рассказывает Кобзон. — Дело было в 1990-м. Дудаев только пришел к власти. В Грозном — митинги, а мы с Махмудом — депутаты Верховного Совета СССР — прямо со съезда вместе с Аушевым примчались в Чечню. Бегали от Дудаева к Завгаеву, пытались их успокоить. И вот идем в очередной раз к Дудаеву. Мне с ним с глазу на глаз переговорить нужно — Хасбулатов попросил. А тот — ни в какую, говори при всех. И вот тут я увидел злого Махмуда: губы и ноздри дрожат, как в его знаменитом танце "Макумба", рубит фразы по-чеченски... Настоящий горец! Я понял: сейчас грянет гром. Дудаев это тоже понял. И подчинился.

Со стороны жизнь Махмуда казалось сказкой: танцы, слава, куча денег, поклонники. А он только об одном мечтал: досыта наесться. Просыпался среди ночи, а во рту — рука, как медведь, лапу во сне сосал. "Кушать хочешь? А вот фиг тебе!" — рассказывал он друзьям.

У него была очень тонкая талия — 47 см (у Гурченко в "Карнавальной ночи" — 46 см. — **Е.М.**), идеальная фигура, прямая спина. И всю жизнь на 10-сантиметровых каблуках проходил — чтобы не распускаться. О его застольях ходили легенды. После концертов к нему в номер всегда приходили друзья. С ним ездил повар — он и готовил. А Махмуд лишь бульон иногда попивал.

Застолье обычно продолжалось до утра. И Махмуд все время травил байки. "Эх, Мамудо, если бы я мог так петь, как ты говоришь!" — как-то подколол его Кобзон. "Мальчик, если бы я мог так танцевать, как говорить!" — не растерялся "старший брат".

Проклятая свинина

— Мы постоянно гастролировали в одних и тех же городах. Махмуд уезжал, а меня селили в его номер, — вспоминает близкий друг Эсамбаева Арчил Гомиашвили. — И мне постоянно рассказывали про него какие-то байки. В Ленинграде в гостинице "Октябрьская" он чуть номер не спалил — решил на балконе шашлыки нажарить. Что тут началось! Пожарные, милиция. Махмуда из номера выселяют. Кошмар!.. Открыли дверь в его номер — куча народа, колбаса, сыр, хлеб, водка. А он весь вспотел — знай мясо переворачивает... И ведь не для себя старался — для гостей.

Конечно, Махмуда простили. Ему единственному разрешали ходить на съезды в знаменитой папахе. "Она у меня к башке прибита", — отшучивался он.

— Мы с ним вечно подкалывали друг друга, — рассказывает другой близкий друг, Бари Алибасов. — Помню, его положили в ЦКБ, и я не знал, чем бы его порадовать. И отправил ему в больницу мешок денег. Тогда миллионы были — и я с огромным трудом нашел мелочь. Как-то разменял тысячу долларов по рублю. Пришел к нему и давай мятые рубли отовсюду доставать. Из ботинок, носков. До трусов разделся — все рубли сыпались. Он смеялся как ребенок! А однажды мы вместе обедали, и он спросил, что я ем. "Свинину", — ответил я. "Как? Ты ж обрезанный!" — возмутился Махмуд. "Так это у меня х... обрезанный, а не рот зашитый!"

С этой проклятой свининой была у Махмуда одна неприятная история еще в босоногом детстве. Соседские мальчишки подшутили над ним: сказали маме Соне, что он поросенка попробовал. Та не стала разбираться — дала ведро с золой и заставила ее целый месяц есть...

"Как это возможно?.."

Свои первые костюмы он делал сам. Это потом ему дарили их короли и президенты, а одевали — бесплатно — известнейшие дизайнеры. Для знаменитого индийского танца он вырезал из консервных банок блестки, из толченого кирпича сварганил пудру и обсыпал ею немыслимые шляпы.

— Мы летели в Баку, травили анекдоты, смеялись. Махмудик хохотал громче всех, — вспоминает Бари Алибасов. — И вдруг — гляжу, а он плачет. Горько так, навзрыд. "Махмудик, что с тобой?" — Я его таким никогда не видел, он любые жизненные неурядицы переносил с улыбкой и шуткой. Когда утихомирился, рассказал сам. Квартиру его в Грозном разбомбили. Там было много богатств: подлинники картин (в том числе и Пикассо), старинная мебель, дорогие подарки, его дом еще Эрмитажем называли, просто приходили туда, как в музей... Но плакал он не из-за этого. "Понимаешь, я всю жизнь собирал вырезки из газет по всему миру, хранил фотографии тех лет. В этих публикациях — вся моя жизнь. А они взяли и растоптали ее. Скажи мне, как это возможно?"

Он буквально свалился, когда узнал, что бомбят его родину. И срочно велел своей семье уезжать в Россию. Махмуд Эсамбаев хорошо помнил старую легенду о кровной мести, ведь он ее танцевал... Потом он долго болел. Умер он 7 января 2000 года.

Специальным указом президента Путина ему, великому танцору и человеку, выделили место на Новодевичьем. Среди могил известных людей, чтобы тысячи людей могли к нему прийти и поклониться. Но родственники похоронили его на обычном мусульманском кладбище. Он лежал на деревянном настиле, завернутый в специальную белую ткань — марчу. Сверху — черная бурка, которой в свое время были накрыты его предки.

Племянники и мулла спустились по деревянной лестнице в огромную могилу и аккуратно, как ребенка, положили его головой на юг. "Ла илаха Илл лала", — семьсот раз прочел молитву мулла и полил свежий холм из старого эмалированного чайника.

Он был достоянием мира. Но он был сыном своего народа. И так ли уж важно где — на престижном Новодевичьем или обычном Даниловском — он теперь лежит? Такова была воля Аллаха и воля Махмуда — быть похороненным по мусульманской традиции.

Он остался красивой легендой. Волшебным танцем о своей прекрасной родине. Светлой грустью о тех временах, когда Чечню еще не прокляли и не залили кровью.

Седые горы помнят и это.

Елизавета МАЕТНАЯ,
фото из книги "Маленькие тайны гордого Махмуда".

Махмуд ЭСАМБАЕВ:

"Как шило из мешка вылезает, так и я из своего народа выскочил. Оказался у меня талант..."

С женой Ниной Аркадьевной они были вместе 50 лет.